Симон Кордонский: Россия как территория аномии

Наш главный исследовательский метод – наблюдение на местности. Вообще, я начал это дело лет 8 или 9 назад просто для обучения студентов, потому что выдерживать их в аудиториях, где им мозги парят всякой разной импортной фигней, мне не нравится. И я добился возможности возить их по стране.

Контингент «вышки» вы себе представляете. Когда они попадают в деревню Коми или на Горном Алтае, у них случается когнитивный диссонанс. И мы их так учим. Без всякого инструктажа, просто включенное наблюдение. Посадил человека на крыльцо в сельском магазине: вот и сиди полдня, а вечером придешь и расскажешь на кругу, или скажем научней, на семинаре. И в ходе этого обучения формируется понятийный аппарат для описания того, что они видят, и что мы сами видим, потому что для нас тоже многое открылось.

Первые несколько дней наблюдение неструктурированное, потом оно структурируется. А10-15 юных субъективностей «нейтрализуются» в перекрестном разговоре. Ну и потом, мы на что? Скажем, девочки сразу на детей кидаются. Какие дети бедные, неухоженные. Понятно, что интеллигент всегда нищему подает. И тут время объяснить, что нищий принадлежит к группе организованной преступности.

Проблема в том, в силах ли мы описать реальность? Наши попытки, естественно, упираются, в то, что формальное, «официальное» описание никак не соотносится с тем, что мы видим непосредственно на месте.

Начиная даже с элементарных вещей, например, с численности населения населенного пункта. Она, кстати, всегда больше, чем официальная. Еще не было случая, когда бы, так сказать, данные по Росстату, то есть по последней переписи, не уменьшали

численность населения на 10-15%.

То же самое в экономике. Посчитали по Ульяновску, по ведомостям просто взяли, так вот, на 60-70% ВВП там будет больше, чем учтено Росстатом.

Дальше. По социальной структуре – учета никакого нет. Даже такие крайние случаи как, например, разного рода секты. Раньше был уполномоченный по делам религий, который вместе с пятым управлением КГБ вел учет всех сект. Сейчас у нас уполномоченных нет. А пятое управление (управление по защите конституционного строя) занимается только теми, кто попал в списки. Но в реальности-то мы видим диверсификацию мировоззрений и формирование собственных локальных картин мира, которые никак не соотносятся с той официальной картиной мира, которая навязывается СМИ.

Причем это массовое явление. В радиусе сотни км от Москвы мы насчитали 40 поселений анастасийцев, иногда созданных на пустом месте. Эти поселения имеют наименование и почтовый индекс, но никаких других официальных атрибутов не существует.

Вообще, система расселения в нашей стране была создана в результате трех миграций, инициированных государством – столыпинская, сталинская и хрущевская. Она создавалась под свои задачи: рудники, лагеря, шахты и все прочее. Сейчас это меняется. С одной стороны, опустыривание страны, с другой – концентрация поселений вдоль трасс. Возьмите любую трассу на выезде из Москвы. Фактически там по 20-30 км – это населенная зона вдоль трассы. Она разделена между разными муниципалитетами. А по жизни это одно пространство, которое обслуживает дорогу. Линейные города. А третий случай – на пустоши остается поселение, но в нем нет никакой власти. Такие пункты не существуют юридически, но по факту они есть, и там живут люди.

Вот вам пример. У меня два сотрудника проехались по Мезени. Есть такая река в Архангельской области, длиной 800

километров. Они насчитали 20 поселений, в которых никаких признаков власти нет, полная автономия, при наличии хозяйственных и прочих спецификаций.

Или еще один своеобразный пример – Анапа. Мы приехали в город, и чувствуем, что не можем «воткнуться» в эту реальность, ничего не можем понять. И только в общении со знакомыми генералами, которые там осели на пенсию, вышли на реальные структуры власти. Оказалось, они образованы отношениями между тремя диаспорами – греками, казаками и армянами. Там деньги серьезные. 14 км берега, миллион, иногда два миллиона отдыхающих, и каждый не меньше 1000 баксов оставляет. Посчитайте, в год миллиард баксов снимается с 14 километров берега. И как их поделить, чтобы не было конфликта? Этим занимаются главы трех диаспор. А генералы, поселившиеся там, выступают в роли буфера между официальной властью и диаспорами. Так что правосудие на деле осуществляется этими генералами.

К примеру, два бизнесмена договорились замостить дорогу к своим ранчо. И один из них привез гравий некондиционный. Второй бизнесмен ему набил морду. Первый пожаловался, возбудили уголовное дело. На 5 лет тянет «хулиганка». Так вот «судья» решает проблему так: «пятак» – это много, 1 год условно и 100 тысяч компенсации побитому. А с судьей и прокурором договормися. Вот и все правосудие.

То, что мы видим, и то, что мы пытаемся описать, крайне странно соотносится с картиной, которую можно извлечь из СМИ. Что мы в них наблюдаем? С одной стороны – официальное послание, а с другой – негативистское, так сказать, белоленточное. Но та реальность, которая образует жизнь подавляющего большинства людей в стране, вообще никак не отображается в средствах массовой информации.

Наша официальная статистическая картинка совсем не учитывает тех реалий, которые возникли за последние 20 лет. А это реалии очень мощные. И самая мощная из них, наверное – это поиск

национальной идентичности.

Ведь сталинские «нации» были созданы в конце 20-х годов, когда создавались языки, национальные школы, и существовали до конца 80-х годов как «статистические» нации. А после того как исчезла партия, эти статистические нации начали превращаться в живые.

Как они ищут свою идентичность? В мордовской деревне мы видели, как работницы клуба конструировали национальные мордовские костюмы. У них на столах лежали альбомы с самыми разными образцами, и они делали оттуда выкройки, конструируя внешний атрибут своей идентичности.

В еще в более жесткой форме мы видели этот процесс на Алтае. Там 11 родов были объединены в учетную категорию «алтайцев». Осознание своей принадлежности проходит как дивергенция внутри «алтайцев» по тем же 11 родам, и каждый род пытается создать себе историю, обосновать свое существование.

И яне вижу рационального выхода из этой ситуации. Мы же не одни такие. Китай тоже заимствовал сталинскую концепцию нации. Они создали 56 национальных региональных автономий. Но, поскольку этносов гораздо больше, сейчас идет очень сильное давление снизу. Эти нации были номинальными, и вдруг зажили своей жизнью. И как с ними жить, они не понимают, тем более что это никто не обсуждает.

Эта проблема очень интересна. Нации, которые были созданы Сталиным – это, по сути, сословия, то есть созданные государством учетные группы. Эти сословия пронизывали все, и поддерживались аппаратом. Первый секретарь – он по национальности был коренной, но второй секретарь – русский, секретарь по идеологии – опять-таки русский, и транслировалось это на всю иерархию, к примеру, на вузовскую. Так вот эта социально-учетная структура имела поддерживавшие ее силы. Но развалилась партия, и элементы структуры расползлись и начали жить своей жизнью.

Но идентичность в целом, а не только национальная – это у нас огромная проблема.Вы знаете, не в одной аудитории мне не смогли ответить согласованно на 3 вопроса.

Первый вопрос: В какой части света мы сейчас находимся? В Европе, Азиопе, Евразии, понимаете? Обычно люди точно знают, где они живут, а здесь однозначного ответа, согласованного не бывает.

Далее: к какой социальной группе вы относитесь? Или ваши родители? Нет ответа. Отдельно военнослужащие, госслужащие, бюджетники, а в целом аудитория не понимает вопроса. Профессии не структурируют социальные группы.

И третий вопрос: в какое время историческое, в какую эпоху вы сейчас живете? Капитализм, социализм, рабство – что у нас сейчас?

Кстати, эти три вопроса в психологической больнице – а я 9 лет работал на психе социологом – задают на первом же приеме.

Отсутствие ответа на них означает, что мы находимся в аномии. Все наше общество находится в аномии. Мы не знаем, где мы, к какой группе относимся и в какое время живем.

Привести его к норме – задача политика, а не социолога. Но для этого политики должны думать в тех категориях, в каких мы сами себя описываем. Но мы сами себя не описываем ни в каких категориях.

А как может человек существовать без понимания своего места в системе? Это вопрос. Любого человека заграницей спроси, к какой группе ты относишься? И он ответит однозначно. Там без знания принадлежности ты никто. Точнее, ты больной. Я задавал им эти вопросы, и добивался ответа на втором, на третьем шаге: ранте, госслужащий, человек, который обслуживает социальные обязательства, государственные или иные. Сразу сложно получить ответ, но в принципе идентичность у них есть.

Странности продолжаются в том, что официальные выкладки в связи с «кризисом», «санкциями» почему-то никак не коррелируют с реальностью. Насколько уменьшилось потребление присутствующих здесь? По официальной статистике 10%. Но какой бы срез мы ни брали, хоть московский, хоть региональный, на любом срезе получается, что потребление ощутимо не уменьшается. Ассортимент меняется, люди переходят из больших универмагов в маленькие магазинчики, но, тем не менее, в целом уровень потребления остается. За счет чего? Откуда бабки?

В одной поездке мы взялись это прояснить. И только на четвертый день в случайном разговоре вылезло, что 4 района (два – в Волгоградской и два – в Воронежской области) объединены в единые распределённые мануфактуры по пуху. То есть кто-то выращивает овец и коз, кто-то их вычесывает, а кто-то обрабатывает, шерсть отмывает, так что в дома она уже поступает отмытой, отбеленной, и там ее распушают и вяжут, в том числе дети, начиная с 5 лет. Ярмарка ночная, с 4 до 10 утра, 3 дня в неделю, оптовики – цыгане. Закупают они все это дело и развозят пуховое вязание по все стране.

Значит, кто-то обеспечивает им фактическую независимость от государства и определенный образ жизни. И она архаична, эта структура. Стоит здание администрации, мы приходим туда со студентами, глава администрации района рассказывает: райком партии заседал в этом кабинете. «А сейчас можете назвать людей, которые фактически являются членами бюро райкома партии?» Он начинает загибать пальцы. То есть структура на самом деле сохранилась – неформально существующая партийная организация.

Причем нет там никаких политических ориентировок. Они смотрят телевизор, как бесконечную мыльную оперу, не различая программы аналитические, новостные и развлекательные. Люди из телевизора для них – просто персонажи, за которых можно переживать. Но к обыденной жизни они отношения не имеют, ни люди, ни их слова, тем более что сейчас в телевизоре даже материться нельзя.

Я не думаю, что сегодня распад России возможен. Ну, что такое распад России? Мы с Калининградом работали какое-то время. Конечно, у них свой склад характера и жизни, влияние прибалтийских государств и севера Европы очень велико. Ездить туда гораздо дешевле, чем ездить через Москву. Но это население сформировалось в 1948 году, когда туда заселили выходцев из средней полосы России. И у них осознание себя как происходящих из России есть.

Да нет, вы представляете себе, что такое? Это две базы военные, это ядерное оружие, которое там складировано. Как это может вообще распасться? Когда Союз распался, основная заслуга Гайдара, с моей точки зрения, в том, что он на американские деньги собрал эти тысячи боеголовок, которые были на периферии страны. А там же коды запуска на упаковке, на зенитных ракетах, на ядерных минах. Представьте себе, что такое происходит в России. Вот Костромская дивизия стратегических войск. Кто выкупит ее ядерное оружие и на какие средства? Это неделимое наследство.

Если изнутри страны смотреть, то да, есть автономии, которые претендуют на выход. Но, мне кажется, эти движения больше страшилки. Они не мыслят себя вне этой территории и изобретают национализмы, которые служат основанием для выбивания дополнительных ресурсов. А настоящему национализму помешают внутренние войска. А также русский язык и рубль. И телевизор. Вот то, что сплачивает страну.

И что это за страна? Это промысловые сообщества, сплоченные «теневой» деятельностью, которая на самом деле вся – на виду. У нас 11 городов-миллионников и еще несколько городов, в которых есть политическая жизнь и вообще хоть что-то происходит. Заметьте, большая часть регионов вообще не светится в средствах массовой информации. Их нет в информационном поле, они живут своей жизнью, и эта жизнь связана только с поиском ресурсов. А ресурсы можно получить или от государства, или изнутри территории – теневым образом, войти в долю.

Как Мордовия или Коми, где есть лесные мануфактуры неформальные. Я не знаю сейчас, но пару лет назад вход в бизнес стоил 15 миллионов рублей. Это деляна, лесопилка и сушилка. Оформление документов тоже входит в пакет на экспорт. То есть ты приезжаешь в район, где ни одной лесосеки не зарегистрировано. Просто нет лесной промышленности и лесного района нет. Но на станционных путях стоят эшелоны с лесом. Причем не сырым, а обработанным и высушенным – доски, брус.

Ясно, что такой бизнес не может идти помимо главы администрации региона и много выше. Вот это теневая деятельность – если ее можно называть «теневой», она же вся на глазах – и сплачивает людей в некоторую общность.

Доля неформального сектора, по данным Минэкономики, 42% процента. Я думаю, что в разы надо увеличить. И тогда получается, что мы живем в в успешном государстве, более или менее. Да, я считаю, что у нас нормальное государство, успешное. Это ведь не рыночная экономика. То, что мы сейчас видим, это восстановление производственной кооперации, ликвидированной Хрущевым в 1956 году. Она обеспечивала до 70% потребления. Вместе с потребкооперацией, которая обеспечивала распределение. А что такое производственная кооперация? Это промыслы. Промыслы принципиально не бизнес. Их нельзя продать, в отличие от бизнеса. В промыслах нет бухгалтерии. Это два основных качества. И вот они начали восстанавливаться, эти промыслы.

Как нефтяной промысел. Вы все знаете, что они не были предпринимателями. Как только Ходорковский решил превратить нефтяной промысел в бизнес, он сразу получил соответствующий срок. И вот эта ресурсная, промысловая структура – она у нас везде. Например, у нас есть развитый финансовый промысел. Сейчас ЦБ закрывает банки – это он закрывает финансовые промыслы. Они, так сказать, не банки, которые специфичны для нормальной рыночной экономики.

Но на самом деле сейчас идет рост этих промыслов. Их

множество. Только присмотреться — и они появляются, как грибы из-под листьев. Мы всем надоели с гаражной экономикой. Дачной экономикой только начинаем заниматься. А это очень большая область, потому что у нас картофель на 70% обеспечивается за счет личных подсобных хозяйств.

По рыбе промыслы просто везде. Рыбный промысел так и называется, кстати. Тот же лесной промысел.

Вдоль любой трассы, особенно «на югах», существует структура частной продажи бензина. Врезаются в трубу, ставят чеченскую разгонную структуру, химики у нас в стране прекрасные, добавки все есть, вот и делают качественный бензин, и продают его.

А как в Сибири, где нет заправок, выходят из ситуации? Дизеля. Солярку берут от железной дороги. Машинисты тепловозов заправляются с верхом в канистры, и по дороге скидывают их в нужных местах. Расчеты, не знаю, как там происходят, но, очевидно, происходят, потому что иначе не скидывали бы.

На этом фоне я считаю, что у нас нет коррупции в стране. Это совсем другие отношения.

Почему никто из митрополии не приезжает и не пытается эти деньги в свой карман положить? Пока это были слишком маленькие деньги, а у власти были деньги нефтяные, не стояло связываться. Сейчас, как видно по дальнобойщикам, уже начинают прицениваться. Собственно, дальнобойщики — это же отходники. Это несколько сотен тысяч человек, говорят, что до миллиона, с огромным оборотом, с очень большой долей криминала, они все возят многое другое, кроме официальных грузов. Но сейчас решили так с ними так поступить.

Получается, если деньги у государства будут кончаться, один из ресурсов — это попытаться перекинуть на себя теневые потоки. Это приведет к расползанию конфликтов типа «Платона» и конфликтов, связанных с расчисткой финансового рынка. Это явления одного ряда. Что называется, «улучшение налогового администрирования», когда статистический ВВП падает, а

налоговые сборы растут. Это все звенья единой цепи попыток государства, если не нарастить, то сохранить кормовую базу в условиях, когда большие нефтяные деньги ушли.

Как результат, количество зарегистрированных предпринимателей у нас уменьшилось на 400 тысяч, по-моему. Люди переходят в тень, где их налоговая не достает. И имеют дело уже с ментами и контролирующими органами напрямую.

Что такое гараж? Вот гараж в Анапе – жилые трехэтажные гаражи. Там 50% отката подключают любую электрическую мощность. Причем учитывают только половину потребляемой мощности, так регулируют приборы учета. Эти договоренности связывают людей, представителей государства и занятых в гаражной экономике, в единое целое.

Конечно, есть такие официальные структуры, как армия, церковь, школа и т.д. Но их объединяющая роль весьма своеобразна и она уходит. В 2005 году поволжский центр стратегических исследований провел картирование конфессий на территории округа. Там было 60 конфессий, из них ортодоксальных 3, остальные секты или иноверцы.

Сейчас проникновение церкви, конечно, гораздо глубже, чем раньше. Но как оно проявляется? В каком-нибудь селе, на здании бывшего сельсовета, где сейчас староста сидит, висит несколько объявлений: батюшка такой-то приезжает такого-то, крещение 200 рублей, поминание 100 рублей, в общем, ценник вывешен. И второй ценник: врачебный чес. Приезжают врачи с аппаратурой, приходите, мы вас продиагностируем и полечим. Тоже проникновение, так сказать. Коммерчески они совершенно равнозначны.

Причем в связи с преобразованиями в муниципальной структуре у нас государство с нижних уровней административно-территориальной иерархии практически ушло. Оно осталось на межрайонном уровне. Межрайонная статистическая служба, межрайонная налоговая инспекция, межрайонное управление

милиции. А на уровне самого района у нас остались чиновники, так сказать, без печати, без юрлица, без ничего. А уж на уровне поселений тем более никого нет. Школьные округа, тоже межрайонные. Причем центры этих районов не совпадают.

Это страшное дело – школа. Не помню уже название деревни. 300 человек. Деревне под 400 лет на севере. Стоит церковь красивая, но разрушенная. Там внутри есть пространство: заходишь туда, шепотом говоришь, а на тебя звук валится в разрушенном здании. Значит, школа там. При школе приусадебный участок. И с этого участка подкармливают детей. Это было в 2012 году. То есть функция школы даже не образовательная, а просто детишек покормить, потому что доходов нет. Там бизнеса никакого, они в 40 км от райцентра, дорога разбита. Купили хозяйство, хозяин обанкротился, и все это зависло с долгами. Доходов у людей нет.

Основной запрос от неформальной России к существующей системе – на оборонительную функцию от внешних врагов. С чем и связана вся наша радость по поводу внешних побед. Вы нас защищаете оттуда, вы нас защищаете от некоторых внутренних врагов, чтобы они не разнесли всю поляну, а дальше мы спокойно существуем, и вроде с вами договорились. Когда системе не хватает денег, она периодически начинает пытаться залезть в эти общественные закрома. Но им в ответ: ребят, вы защищайте, выполняйте функцию, и больше от вас ничего не требуется. Получается, что сейчас и есть рецепт стабильности. Возникает вопрос, насколько этот рецепт может быть долговечным. Видите ли, там – воюют. Мы тут внутри питаемся потихоньку, одеваемся, но что им от нас требуется?

Государство однако – гибкая система. Чиновники – не дураки. Они же понимают, чем им грозит напряжение с «промыслами». Тайга большая… Те из них, что сидят на уровне регионов и межрайонных контор, сильно баламутить не будут. То, что вы называете коррупцией и прочее – это же откат. Нормы отката регулируются репрессией. При Сталине были жесткие репрессии и минимальная норма отката. Сейчас у нас репрессии

демонстрационные, показательные, и норма отката очень велика. Пытаются норму отката снизить за счет этих демонстраций. Где-то это работает. На уровне губернатора, после двух губернаторских посадок, уже все оттпихивают: не надо. Мне рассказывали историю про одного губернатора, который, напившись, умудрился утопить все часы, которые ему были подарены. Часы же накапливаются. Часы с дарственными надписями от «Газпрома», «Роснефти», «Русрубля».

Значение «Крыма» не в том, где его обычно видят. Это же ответ на вопрос: А где мы живем? Крым позволил конкретизировать идентичность территориально. Это наше. Мы живем в стране, которая приросла Крымом. С пространством как-то разобрались. Нам осталось только понять, кто мы и куда идем. Последний вопрос – о времени.

Но у нас нет линейного времени. Оно может появиться. Вы читали закон об исчислении времени? Несколько лет назад время у нас было национализировано. Это медведевский закон, так и называется: об исчислении времени.

У нас странная штука со временем произошла, еще в советские времена. Я имею в виду социальное время. Оно же было искусственно разделено на плохое прошлое, светлое будущее и настоящее, которое переходит в светлое будущее в ходе строительства этого будущего. Мыслящая часть нашего общества разделилась на людей, которые были ориентированы на прошлое (традиционалисты), на будущее (прогрессисты) и на настоящее (аппаратчики). В любую контору зайдите, там сидят аппаратчики, живущие сейчас.

У нас проблема какая. У нас будущее воспринимается как повторение хорошего прошлого. Но у разных людей различается, какое прошлое хорошее. Кто-то говорит, что это еще до Крещения Руси было, хорошее прошлое. Кто-то говорит, что в 1861 году кончилось плохое. Кто-то говорит, что плохое кончилось в 1917 году. Конфликт идет вокруг прошлого.

Единый учебник истории – это попытка сделать единое прошлое. И тем самым единое будущее. Сейчас у нас будущее – это повторение настоящего. Так ведь? То есть будущего нет. Завтра будет тоже, что сейчас. Ведь сейчас аппарат остался один, он разорвал все связи. Они отработали: с прогрессистами, традиционалистами, коммунистами, все было… И прошло. Больше ни с кем нет связи. Вечное настоящее аппарата. И он остался в настоящем времени, и он воспроизводит себя. И больше ничего он не может. Ему не на что надеяться и не во что верить, кроме дурного «вечного настоящего».

После неудач на Украине от трехлетнего плана снова перешли к годичному, а на самом деле к трехмесячному финансовому плану. То есть горизонты сплющились. И будущего нет даже по нефти. Даже нефть не задает горизонты планирования. Поскольку ресурсов не просматривается в их поле, они обращаются к структурам, в которых еще крутятся ресурсы, но они пока закрыты для государства как института. Но открыты для представителей государства, которые в них включены. Наша экономика себя доедает. Но мне кажется, что это вечная ситуация. Ну, 300 лет одно и то же.

Сейчас новая ситуация, когда может произойти фазовый переход. В 2002 году появились новые сословия – с законом о системе государства. Теперь исчезнет сословная структура, но не исчезнет стремление к социальной справедливости. Стремление – мотор.

Есть уравнительная справедливость, а есть распределительная – это равенство перед властью, распределяющей ресурсы. А неравенство в том, что некоторые группы обеспечены ресурсами хуже, чем другие.

У нас всегда – вторая система. Распределительная справедливость. Она все время воспроизводится. Как могли проскочить в конце 90-х годов. Классовое расслоение началось. Появились настоящие богатые и настоящие бедные.

Сейчас бедные – это бывшие привилегированные слои советского общества. Это врачи, бюджетники, военные. Обиженные группы начали выступать. Когда пришел новый президент, он решил навести порядок. Взять ресурсы рынка и распределить их в пользу обиженных групп. Тем самым система восстановилась.

Интересный вопрос: есть ли у нашей системы идеология? Нет. Я несколько лет потратил на то, чтобы читать то, что никто не читает. Фантастика, мистика, все прочее. Оттуда можно вычитать настоящую «идеологию».

Вот Перхель, человек из Челябинска, написал трилогию. Там Россия проиграла войну. Европейская часть вся оккупирована. В Челябинске организовали сопротивление оккупантам. Всячески их истребляют. Это один тип литературы.

Второй тип – это фантастика. Есть некоторое российское будущее. Опять же, это будущее имперской сословной структуры, которая воюет против иноземных захватчиков.

Это огромный пласт литературы, тысячи наименований. Картина мира, которая транслируется в этих книжках. Они же покупаются. Зайдите в любой книжный магазин в провинции, там только эта литература и есть.

У меня есть одно практическое занятие. У нас рядом «Библио-Глобус». Я беру студентов с рулетками и мы идем мерить картину мира. Этот магазин показательный. Берем метры: сколько в магазине занимает «история». Стоит какой-нибудь Бушков, а в его книге ссылок нет. Значит, это не история, а квази-история. Мифологизированная история – это 90% процентов исторической литературы.

Дальше берем медицину. Ее всего полтора метра. А собственно медицина занимает 10-20 см. Все остальное – самолечение, травы, косметика.

А берем политику. На первом этаже есть раздел «Всякое разное». Когда-то там целую полку занимала «История сталинизма»,

издания Росархива. Сейчас это место занимают творения квази-политиков и философов. Странное чтиво, совершенно.

А в каком разделе находится социология? «Эзотерика»!